Ю. А. Сидорова
(научный руководитель *Е. Е. Приказчикова*)
Уральский Федеральный Университет
Екатеринбург, Россия

«Правда голого факта» в ретроспективных дневниках эпохи наполеоновских войн (Ф. Глинка, И. Лажечников) и ее влияние на эго-документы XIX века

Аннотация: в исследовании рассмотрено формирование фактографической традиции изображения событий наполеоновских войн, прежде всего Отечественной войны 1812 года, в ретроспективно обработанных дневниках Ф. Глинки «Письма русского офицера» и И. Лажечникова «Походные записки русского офицера». Рассмотрены функции, которые выполняла «правда голого факта» в изображении ужасов войны в русской литературе начала XIX века, и ее влияние на российские эго-документы, посвященные событиям наполеоновских войн более позднего времени.

Ключевые слова: «правда голого факта», литературный стиль, литературное направление, эго-документ.

Русская мемуарная литература начала XIX века претерпевает изменения по сравнению с аналогичными документами предыдущих эпох. Это, в первую очередь, касается ее адресата. Мемуарные тексты XVIII века чаще всего писались «в стол» и для публикации не предназначались, в них отсутствовала «установка на гласность», отмечает А. Г. Тартаковский. Уже в эпоху Наполеоновских войн многие эго-документы стали печататься в современных им журналах: «Русский вестник», «Сын отечества» и т.д. Ориентация на гласность стала диктовать новые каноны стиля и выбора фактов, дозволенных к освещению.

На всем протяжении существования мемуарные тексты ориентировались на господствующую литературную традицию. Когда текст создавался только «для своих», этот аспект функционировал в нем имплицитно – автор, как и любой человек, не мог не подчиняться канонам эпохи. Но, становясь публичным достоянием, текст неизбежно попадал в фокус внимания исследователей литературы, «превращаясь в объект литературно-эстетической критики» [Приказчикова, с. 109]. В соответствии с этим авторы стали еще более явственно подводить свои тексты под соответствие определенным литературным канонам. Соответствие стилистическому направлению становится эксплицитным, оно теперь – не только форма, но и средство достижения цели, которая заключается в оказании влияния на читателя.

Документами, ориентированными на публичность, являются, например, «Письма русского офицера...» Ф. Н. Глинки, увидевшие свет в 1818 году и созданные на основе дневников, которые автор вел в период 1812–1814 гг., «Походные записки русского офицера» И. И. Лажечникова, опубликованные в 1821 году и также основанные на походных записках. Их мы и рассмотрим в нашей статье.

Выбор литературного направления зависел от того, что описывалось в тексте, и это неизбежно влекло за собой эклектику. Так, герой «Писем...» Ф. И. Глинки успел побывать и сентиментальным путешественником, любующимся красотами природы: «Весна! Весна! Прелесть природы! Какая сладость разливается в мире! Как приятно жить и дышать в это время! Ах! Если б я был на родине, с друзьями!» [Глинка, URL], и грозным обличителем в духе сатириков классицизма: «С каким старанием сии скачущие за Волгу, увозят с собой французов и француженок! Берегут их, как родных детей! Какое французолюбие!» [Глинка, URL], и романтическим «рыцарем без страха и упрека»: «Едва успел выговорить адъютант его Паскевич: «В вас целят, ваше превосходительство» – и пули засвистали у нас мимо ушей. Подивились, что ни одна никого не зацепила» [Глинка, URL]. Итак, становится очевидным, что выбор стиля зависит от личного опыта самовидца: каждой сцене соответствует своя литературная традиция.

Однако мемуары – это описание не вымысла, но реальной жизни. А она, как известно, диктует свои условия, преподносит события, не коррелирующиеся ни с какими литературными нормами и догмами. Это зачастую ставило авторов перед вопросом: как быть? Избегнуть описания события вовсе, подвести его под шаблоны или же попытаться рассказать так, как есть? Порой события производили такое значительное впечатление или были столь важны в общем контексте повествования, что первые два варианта оказывались нежизнеспособными. Так в мемуарах начала появляться «правда голого факта».

Начатки ее встречаются в текстах еще до-гласной эпохи: так, Н. Б. Долгорукая пишет про императрицу Анну Иоанновну: «престрашная была взору, отвратное лицо имела, так была велика, когда между кавалеров идет, всех головою выше, и чрезвычайно толста» [Долгорукая, с. 22]. Здесь можно увидеть как чисто женскую неприязнь, так и действительное описание внешности царицы – красотой та, в самом деле, не отличалась. Или же информация о посещении публичного дома, приведенная в мемуарах М. В. Данилова: «в загородках сидящие и стоящие мумии, у коих голова и лицо были обвязаны полотном, отягощены болезнью, в которой они, по-видимому, страждут и страдать будут до конца своей жизни неизбежно» [Данилов, с. 70]. Представить нечто подобное в художественной литературе классицизма или, более того, сентиментализма, решительно невозможно.

Гласность новой эпохи внесла коррективы и в этот аспект мемуарной литературы: «голые факты» нужно было подносить осторожно, дабы не обидеть сильных мира сего и не шокировать чрезмерно общественность, еще не готовую к подобному читательскому опыту. Даже много позже, когда, в 1856 г., Н. А. Некрасов опубликовал стихотворение «Так служба! Сам ты в той войне...», сюжетом для которого стал рассказ генерала Павла Тучкова о том, как крестьяне-партизаны последовательно зверски убили французского офицера, его жену и детей, и напечатал его, это вызвало возмущение литературного критика Аполлона Григорьева, назвавшего поэта «больным, раздраженным» человеком [Григорьев, с. 5]. Однако же, несмотря на определенные ограничения, «правда голого факта» присутствовала в мемуарных текстах начала XIX века, преимущественно в текстах военных.

Л. Н. Толстой писал: «Война не любезность, а самое гадкое дело в жизни, и надо понимать это и не играть в войну». [Толстой, с. 236]. Осознавали эту непреложную истину и непосредственные участники боевых действий, а потому, наравне с возвышенными словами о подвигах и героике на полях сражений, вынуждены были отмечать и мрачные, страшные, бесчеловечные эпизоды.

Обратимся к тексту Ф. Н. Глинки «Письма русского офицера...». Как уже было сказано, эго-документу свойственна стилевая эклектика. Однако немалое место, особенно в частях, посвященных описанию кампании 1812 – начала 1813 года (на территории Российской Империи и некоторое время после выхода за ее пределы), занимают эпизоды реалистические и даже натуралистичные, своим пафосом и содержанием наводящие на мысль скорее о военных фрагментах «Войны и мира» Л. Н. Толстого, нежели сентиментально-романтической традиции 10-х годов XIX века: «Сколько раненых! Сколько бегущих! Бесконечные обозы тянутся по полям: толпы народа спешат, сами не зная куда!...». «Усталость лишает способности мечтать». «Мы полагали, что в таком городе, как Рязань, будет приют для раненых, но им велят убираться в Касимов» [Глинка, URL].

Натуралистичными описаниями автор сопровождает эпизоды, посвященные разорению городов и пожарам, отступлению и наступлению русской армии, боям, бегству французов и т.д. Почти всегда это военные фрагменты, невозможные для обыденной, мирной жизни и оттого поражающие воображение непривычного к таким картинам мемуариста, а также и его потенциального читателя.

Описания реалистичные, однако пафос, свойственный тому литературному канону, который в большей мере соответствует событию, остается. Так, описывая мучения отступающих французов, умирающих от голода и холода, автор параллельно иронизирует над галломанией высшего общества – над тем, что кроется за красивой ее оболочкой. «Кстати, не надобно ли в вашу губернию учителей?» – саркастично осведомляется мемуарист. И

описывает француза, который «взламывая череп недавно убитого своего товарища» говорил, что может учить детей [Глинка, URL]. Здесь прослеживается классицистическая, а затем и романтическая традиция высмеивания дворянства, не желавшего думать, а слепо ориентировавшегося на образцы: «вечные французы, / Оттуда моды к нам, и авторы, и музы: / Губители карманов и сердец! / Когда избавит нас творец...» [Грибоедов, с. 12].

Говоря о долговременном голоде русских солдат, передвигающихся по территории Саксонии, автор вспоминает эпизод: «показался неразоренный господский дом, и мы вчетвером решили заехать туда попросить куска хлеба. По счастью, хозяин, добрый саксонец, имел еще кое-что более...» [Глинка, URL]. Эпитеты «добрый», «сострадательный», которыми автор награждает хозяина, слова о том, что «бедные лошади наши приводили нас также в жалость» отсылают к сентиментальной традиции чувствительного сердца. Здесь им обладают как русские солдаты, так и саксонец. «Прекрасная, очень молодая девушка» [Глинка, URL], спящая на стуле в этом доме во время пожара, захватившего окрестные деревни, также соответствует канонам сентиментализма.

Изредка мелькают описания, близкие к нарождающемуся, но еще не расцветшему в этот период романтизму и более популярному предромантизму: «глубокая ночь, повсеместный пожар, войска проходящие мимо, как тени, и длинный ряд блестящих вдали штыков представляли какую-то смешанную картину ужасов» – такое почти кинематографичное описание наводит на мысль о предромантическом готическом романе [Глинка, URL].

Фрагменты, посвященные «правде голого факта», оказываются, как правило, недолговременными и быстро переходят в сентиментальные описания жаворонка в небе, очаровательных саксонских домиков и девушек и т.д., словно бы автор не выдерживает в течение долгого времени подобных описаний и спешит вернуться к более привычной форме и содержанию.

Нельзя забывать о том, что эпоха Наполеоновских войн – эпоха чести и чувствительности. Люди, воспитанные на идеалах Ж.-Ж. Руссо и других просветителей, надеялись на победу в себе звериного начала и торжество человечности. Войны, в особенности Отечественная война 1812 года, пошатнули этот миф – люди увидели, на что способен человек, доведенный до крайности, но принять это этически и эстетически, то есть доверить бумаге, еще не могли. «Жестокий финал кампании 1812 г., когда тысячи людей (прежде всего французов) были обречены на смерть от холода и голода, утонули или были раздавлены в давке при березинской переправе, провоцировал неизбежный конфликт между чувствительностью как нормативным этическим канонem эпохи и правдой голого факта мемуарного текста» – пишет Е. Е. Приказчикова [Приказчикова, с. 116].

Помимо этого, эпизоды «правды голого факта» вводятся, отвечая определенным целям автора – как мы уже сказали – высмеивания каких-то отрицательных черт, демонстрирования, напротив, положительных качеств (например, эпизоды, в которых русские помогают страдающим и отступающим французам). Многие же эпизоды мучений бывшей «великой армии» приведены мемуаристом в том числе, чтобы показать то, как жестоко были наказаны французы, презревшие законы человечности и напавшие на другое государство.

Теперь обратимся к «Походным запискам русского офицера» И. И. Лажечникова. Интересно отметить, что, как и у Глинки, основная часть фрагментов с «правдой голого факта» приходится на части, посвященные 1812 и 1813 году. По мере затухания интенсивности военных действий, авторам все проще оказывается рассматривать мир в привычном сентиментальном дискурсе.

Эпизоды с пафосом натуралистичности, неприукрашенной реальности по своему содержанию близки аналогичным у Ф. Глинки. Автор записывает впечатления от захваченной Москвы: «иду и спотыкаюсь о мертвую лошадь» [Лажечников, URL]. Описывает лишения французов: «утолив голод – некоторые остатками сухарей, иные мертвыми лошадьми и товарищами» [Лажечников, URL]. Пишет И. Лажечников и о лишениях русской армии. Много

описывает города и устройство жизни стран, через которые проходит, в особенности Германии, – порой сетуя, что в России дела обстоят хуже.

Оба автора, несмотря на общий сентиментальный дискурс своих мемуаров, страдания французов описывают в большей степени с ужасом и отвращением, иногда – легкой иронией от сюрреалистичности происходящего, но без большого сочувствия. Они воспринимают это – и настраивают на такое восприятие читателя – что происходящее – логичное и верное наказание для людей, поправших законы гуманности. Так, И. Лажечников с горькой иронией отмечает эпизод, где француз предлагает взять его во служение: «...могу преподавать за туалетом Эпикурову философию. В Париже был я в славе: если же у вас не перестанут подражать обычаям первой столицы мира, то... Бедняк не договорил, увидев в руках моего хозяина кусок хлеба» [Лажечников, URL].

Однако, при всем богатстве эпизодов, дающих наиболее близкое к реальности описание войны, очевидно, что прием умолчания в текстах также присутствует. Так, ни один из авторов не дает информации о каких-либо противных чести и человечности поступках со стороны русских солдат и офицеров (а их, увы, не могло не быть); оба позиционируют военачальников героями, не упоминая об их просчетах; в тексте нет и информации о проявлении трусости на поле боя – причем ни с той, ни с другой стороны. Все это отвечает культурной традиции эпохи и внутренней целеустановки произведений: показать русский народ героем, а также отечественный, народный и праведный характер этой войны.

«Правда голого факта», начавшая свой путь в литературе в текстах мемуаров, постепенно завоевывала право на существование и в художественных произведениях. Свойственная прежде только «низовой литературе», написанной авторами, неспособными «почувствовать» канон стиля, соответствовать ему, она стала переходить в так называемую изящную словесность, то есть литературу более высокого уровня.

«Севастопольские рассказы», «Война и мир» Л. Н. Толстого, произведения А. П. Чехова, рассказы В. Гаршина о русско-турецкой войне, например, «Четыре дня»; а за рубежом – «Пармская обитель» Стендаля, новеллы Г. де Мопассана, посвященные франко-прусской войне, – например, «Старуха Соваж», а, позже, – романы Э. М. Ремарка и т.д. стали показывать жизнь такой, как она есть, то есть в традициях реализма.

Литература

Глинка Н. Ф. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием отечественной и заграничной войны с 1812 по 1814 год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/books/140/pisma-russkogo-oficera/read> (дата обращения: 21.04.2024)

Грибоедов А. С. Горе от ума. М. : «Наука», 1987.

Григорьев А. А. Поэзия Некрасова (выпуск 13) // Собрание сочинений Аполлона Григорьева в 14 томах / под ред. В. Ф. Саводника. – М. : Типо-литография т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1915.

Данилов М. В. Записки артиллерии майора Михаила Васильевича Данилова, написанные им в 1781 году. М. : Типография С. Селивановского, 1842.

Долгорукая Н. Б. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой. Типография Сириус, 1913.

Лажечников И. И. Походные записки русского офицера [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/l/lazhechnikow_i_i/text_1820_pohodnye_zapiski.shtml (дата обращения: 21.04.2024)

Приказчикова Е. Е. Изображение человека в военной мемуаристике наполеоновской эпохи: литературно-эстетическая традиция и искушение «правдой голого факта» // И вечной памятью двенадцатого года... / под ред. Е. Е. Приказчиковой. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2013.

Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М. : Наука, 1980.

Толстой Л. Н. Война и мир: роман. В 4 т. Т. 3. М. : АСТ: Астрель, 2007.

Sidorova Yu. A. The “Truth of the Naked Fact” in retrospective diaries of the Napoleonic Wars era (F. Glinka, I. Lazhechnikov) and its influence on ego documents of the XIX century.

Abstract. The report examines the formation of a factual tradition of depicting the events of the Napoleonic wars, primarily the Patriotic War of 1812, in the retrospectively processed diaries of F. Glinka “Letters of a Russian Officer” and I. Lazhechnikov “Military Notes of a Russian Officer”. The author of the report examines what functions this “truth of naked fact” performed in depicting the horrors of war in Russian literature of the early 19th century and how it influenced Russian ego-documents dedicated to the events of the Napoleonic wars of a later time.

Keywords: truth of naked fact, literary style, literary direction, ego-document.